

ка и положительным эмоциональным отношением; гипомания положительно коррелирует с негативными эмоциями. Важным показателем конструктивной валидности является связь параметров теста ОД со шкалой отраженного самоотношения МИС.

Для исследования конструктивной валидности был проведен анализ связи показателей теста ОД с различными социологическими характеристиками (см. табл. 5). Как и ожидалось, такие социологические характеристики, как воспитание детей, уменьшают полярность оценок другого по типу "плохой-хороший", такое же влияние оказывает переживание расставания.

Общий показатель и показатель по "положительным" качествам нравственной сущности отношений не связаны с психологическими характеристиками. Показатель по "отрицательным" качествам положительно связан с психопатией, шизоидностью и гипоманией, отрицательно — с количеством детей, отраженным самоотношением и открытостью. Это отчасти указывает на этическую природу градации "нормы и патологии".

Таким образом, основные психометрические характеристики проективного теста ОД удовлетворяют требованиям, предъявляемым к психологическим тестам [5, с. 22].

ВЫВОДЫ:

Проективная методика ОД является адекватным диагностическим средством для определения психологической структуры и нравственной сущности отношения к другому, потому что:

- ее концепция базируется на опыте, накопленном многими авторами в течение 60-и лет исследований в области изучения отношений;
- показатели обладают конструктивной валидностью, надежностью и дискриминативностью, они в высокой степени независимы друг от друга;
- материал теста информативен, валиден и достоверен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности. М., 1994.
2. Бодалев А.А. Психология общения. М.: "ИПП", Воронеж: НПО "МОДЭК", 1996.
3. Братусь Б.С. Возможна ли нравственная психология? // "Человек". 1998. № 1. С. 50–59.
4. Иванов В.Г. Развитие и воспитание познавательных интересов старших школьников. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
5. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. Киев: ПАН Лтд., 1994.
6. Мяснецов В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. М.: "ИПП", Воронеж: НПО "МОДЭК", 1995.
7. Пантеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1998.
9. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
10. Crowne-Marlowe Social Desirability Scale. Crowne and Marlowe, 1964.
11. Frank L.K. Projective Methods, 1948
12. Guilford J.P., Fruchter B. Fundamental statistics in psychology and education. N.Y., 1978.

ELABORATION AND VALIDATION OF PROJECTIVE TECHNIQUE TO DIAGNOSE ATTITUDE TOWARDS ANOTHER PERSON

Yu. V. Aleksandrova

Jun. res. ass. of the lab. of psychology of communication, development and rehabilitation of personality PI RAE, Moscow

The problem of diagnosis of moral-psychological aspect of the attitude towards another person is considered. The stages of elaboration of original psychodiagnostic technique—projective test "Attitude towards Another Person" is described. Theoretic background and psychometric estimates of the test are presented.

Key words: attitude towards another person, psychological structure, moral essence, psychodiagnostics, projective tests, validity.

ДИСКУССИИ

НАУЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ НА ФОНЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО*

© 1999 г. Б. С. Братусь

Профессор факультета психологии МГУ

Художественное и философское наследие Л.Н. Толстого сопоставляется с методологией и достижениями современной научной психологии. Рассматриваются некоторые уроки, вытекающие из творчества Л.Н. Толстого: необходимость определения ключевых тем человеческой жизни, построение пути от конкретного образа к типологии личности, понимание приоритета нравственных оснований как условие блага бытия и др.

Ключевые слова: темы жизни, нравственность, благо, образ человека, духовный возраст.

Психология давно уже не испытывает благоговения перед художественной литературой и нравственной философией, а, напротив, преисполнена ощущения самодостаточности и превосходства. Многие всерьез, например, считают, что хотя Лев Толстой и великий писатель, но для науки он остается не более чем житейским психологом, пусть и весьма тонким, наука же с помощью строгого анализа и тестов продвинулась дальше и глубже его открытий; что же касается философии, религиозных исканий, то здесь он и вовсе большой путаник, не понимающий подлинной роли государства, науки, образования. И если некогда на творения писателя смотрели как на источник мудрости, почитали его учителем жизни, то сейчас на роль последнего все более претендует психология, которая теперь как бы сама себе Лев Толстой. Некоторые откровенно чают наступления новой “психозойской эры”, когда именно психологи будут определять движение общества и человека к счастью. Трудно найти, наверное, популярное издание, передачу телевидения, политическую или общественную программу, в подготовке и осуществлении которой не участвовали бы психологические подкрепления. “Психология считает, психологи советуют, рекомендуют, настаивают и т.п.” – читаем и слышим мы повсюду. Факультеты, отделения, институты, школы, курсы, где готовят психологов, плодятся по стране, как грибы после дождя, и точное их число на сегодня вряд ли уже определимо. Повсюду можно найти объявления, обещающие (нередко за несколько месяцев интенсивной учебы!) сформировать психолога, психотерапевта, специ-

алиста по рекламе или имиджмейкера новых политиков. До Толстого ли психологам во всей этой кутерьме, его ли девяносто томов полного собрания сочинений, его ли раскидистой чуть ли не на век жизни?

Попытаемся хотя бы в общих чертах ответить на этот вопрос, обозначить те наиболее общие уроки, которые может преподать заносчивой современной психологии наследие Льва Толстого.

Разделим эти уроки на три части. Первая, по преимуществу, относима к художественному творчеству. Вторая – к религиозно-философским исканиям. Третья – к самой жизни Льва Николаевича.

Сначала о некоторых уроках, наизиданиях, которые можно извлечь из художественных творений. Прежде всего это возможность выделить варианты внутри- и межличностных коллизий, в которые вступает человек на протяжении жизни. Утверждается, например, что во всей мировой литературе наличествует не более 36 определяющих сюжетов, а по более строгим подсчетам – всего 12 [5, с. 3]. Творчество Толстого при всем его многообразии редуцирует и это число, сводя, концентрируя, аккумулируя внимание на трех главных темах – жизни, любви, смерти. Толстой писал: “Есть малое число клавиш, различная последовательность их есть все разнообразие как личностей людей, так и семей исторических. Везде те же сказки, те же люди, тот же деспотизм, те же войны и т.д., и т.д. Сравнение с клавишами. Все те же. Музыка разная, но результат один и тот же... попытка найти эти вечные клавиши” [2]. Понятно, сколь важно и неизменно актуально рассмотрение этих главных тем для построения психологии личности, выявления существующих здесь закономерностей родовых конфликтов человеческой жизни.

Другой общий урок, который может извлечь психология, – это опыт рассмотрения личности в

* Статья основана на докладе, сделанном 8 сентября 1998 года на пленарном заседании XXIV Международных толстовских чтений в городе Туле к 170-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. Материалы подготовлены при поддержке РГНФ.

движении, жизни, постоянном развитии как форме ее существования. Особенно интересны в этом плане произведения, прослеживающие крупные отрезки жизненного пути, смену поколений, развернутые семейные истории, а именно это составляет суть основных творений Толстого. Его художественному гению свойственно рассмотрение любой черты в совокупности живых взаимосвязей с другими чертами и качествами человека. В художественных произведениях разыгрывается не просто тема, а тема с вариациями, подразумевающая разные толкования. Человек, его жизнь даются в движении, полете, непредсказуемости всегда существующих, но далеко не всегда реализуемых возможностей. Что касается современной психологии, то она ограничивается, довольствуется в основном фиксацией, констатацией основных черт, параметров, данных в ограниченном жизненном пространстве, т.е. выхватывает лишь малые фрагменты разветвленной сети бытия.

Следующий урок – это особое внимание к конкретному человеку как таковому, а не просто психологическому типу или представителю того или иного слоя. Психология часто упускает этот момент, стремясь сразу к построению общих конструкций, классификаций и типологий. Обычно расплата за это – безжизненность, умозрительно-декларативный характер подобных конструкций, невозможность, исходя из них, вернуться на землю, постичь своеобычность, приблизиться к тайне той или иной личности. Вспоминаются слова американского писателя Ф.С. Фицджеральда: “Начните с отдельной личности и, право же, вы не заметите, как создадите типический образ; начните с обрисовки типического образа и, право же, вы не создадите ничего – ровным счетом” [6, с. 55].

Еще один момент, который хотелось бы выделить. Л.Н. Толстой в разговоре с Горьким заметил, что писатель может ошибаться в чем угодно, выдумывать все, кроме психологии. Психология должна быть абсолютно точной [7, с. 713]. И литература в лице Толстого и других великих художников не только стремилась к этой точности, но, что самое поразительное, достигала ее. Поразительное не с точки зрения рядовых читателей, привыкших видеть в писателях знатоков жизни, а с позиции научной психологии, которая давно и вполне сознательно отказалась от веры в возможность точного психологического знания на материалах личных наблюдений, опыта переживаний, бесед, разговоров и т.п. Это рассматривалось как атрибуты ненаучной или житейской психологии, тогда как научной психологии и, соответственно, научному психологу пристало опираться лишь на эксперимент, опросники, тесты, математически выверенные корреляции и т.п. Все при этом может получиться достаточно хорошо, научно и строго, кроме одного: это уже не

психология человека, а психология испытуемого. Думается, однако, что столь ярко продемонстрированная принципиальная способность познания человека человеком, личности личностью путем наблюдения, размышления и сопереживания должна, с одной стороны, поубавить спесь у некоторых профессионалов-психологов, снисходительно, сверху вниз смотрящих на “житейских психологов”, “психологов-любителей” вроде Толстого и Достоевского, а с другой стороны, поднять веру психологов в возможность достаточно точного и объективного понимания, постижения мира личности без обязательной (и просто-напросто не всегда выполнимой по ходу отдельного исследования) пошаговой опоры на тесты, опросники, узколабораторные эксперименты. Надо ли говорить, что при этом имеется в виду не возврат к “понимающей психологии”, не перечеркивание или умаление достижений экспериментального подхода, а лишь более сбалансированный взгляд на роль творческого наблюдения и личностной интуиции в психологическом познании.

И последнее в отношении художественных текстов. Читая и перечитывая их, современные психологи должны постоянно учиться ясности, выпуклости, стереоскопичности изображения человека, его психологических черт и движений. Это должно побуждать к развитию в себе вкуса и внимания к языку как орудию познания личности, как важнейшему условию, от которого зависит точность и полнота передачи целей, результата и общего смысла проведенного психологом исследования. Разумеется, психолог не должен стремиться конкурировать в овладении языком с писателем – это не только тщетно, но вовсе и не требуется. Однако надо помнить, что личность человека есть совершенно особый предмет науки, поскольку мы не только исследуем ее, но одновременно ей же, для ее нужд и пользы адресуем результаты исследования, от нее же в конечном итоге ждем их принятия, понимания, оценки. Следовательно, изложение должно быть таковым, чтобы человек мог бы в конце концов увидеть себя в нем, не отвернуться, не отвергнуть как невятицу и чужеродность. Такое положение, что вполне ясно, требует постоянного совершенствования языка описания, в частности, умения в случае необходимости выйти за рамки столь распространенного ныне “птичьего языка” науки, понятного только узким специалистам.

* * *

После этого, как очевидно, совершенно схематичного и далеко не полного перечня некоторых уроков, которые может извлечь современный психолог из художественного творчества Толстого, перейдем теперь к другому намеченному раз-

делу — творчеству нравственно-философскому. Надо сказать, что если отдельные примеры из художественных текстов можно еще встретить на страницах современных психологических трудов, то результаты и выводы нравственно-философских исканий Толстого, как правило, игнорируются. А между тем это как раз то, чего так не хватает современной научной психологии, а именно углубленного внимания к проблеме человека и его блага. Вспомним слова Толстого о малом числе клавиш, различная последовательность которых и создает разнообразие личностей людей. Но художественное произведение призвано не описать эти клавиши, не раскрыть их наименование и суть, но донести до нашего слуха и наших сердец мелодию, полифонию жизни, и, слушая ее, будучи захваченными ею, мы вовсе не думаем, не можем думать о том, какую именно клавишу нажимает сейчас творец. Отсюда Толстой-художник был категорически против обнаружения некоего единого вывода или основных мыслей своего произведения. В письме Н.Н. Страхову он писал: "... Нужны люди, которые бы показали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателем в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений" [3, с. 269]. И вот Толстой-философ, Толстой-нравственный проповедник идет за эту мелодию к инструменту, ее производящему, за эту волшебную и зыбкую ткань, составленную сцеплениями нитей жизни. Мы говорили, что в художественных произведениях он мощно разыгрывает три основные темы: жизнь, любовь, смерть. Теперь же он говорит не о темах, а о том, что за ними стоит, что должно их определять, стягивать, *сопрягать* (одно из любимых слов позднего Толстого) — это проблема смысла жизни, любви, смерти, или, по-иному — проблемы *блага* жизни, любви, смерти. И тогда все, чем занимался он раньше, все, что делают изо дня в день другие люди, ставится им в зависимость от способа решения этой основной проблемы. "Неизбежно необходимое для живых людей знание, — писал он, — было и есть всегда одно: знание своего назначения в том положении, в котором находит себя человек в этом мире, и в той деятельности или в том воздержании от деятельности, которое вытекает из понимания этого назначения" [1, с. 427]. Искусство, политика, наука должны быть в этом плане вторичны, производны от главной проблемы нравственного блага. Известны слова Л.Н. Толстого, что люди только делают вид, что они воюют, торгуют, строят. Главное, что они делают всю жизнь — это решают нравственные проблемы. Это и именно это составляет, как он говорил, главное дело человечества.

Если же мы обратимся к современной научной психологии, то увидим, что там нравственные проблемы либо игнорируются вовсе, либо рассматриваются как некий довесок, добавок продуктивной деятельности. Более того, современная психология занята, по сути, развенчанием нравственной основы бытия человека. Если мы возьмем, например, столь популярный на Западе, а теперь вновь и у нас психоанализ, то там благо любви сводится к элементарным половым влечениям. Да и не только любовь — к этому редуцируется, по сути, все восприятие человеческого мира. Вот, например, в одном из номеров выпускаемой в Петербурге "Психологической газеты" [№ 4, 1996, с. 3] В.А. Медведев, являющийся заместителем директора недавно организованного Восточно-европейского института психоанализа, демонстрирует видение психоаналитиком российских денег, пришедших на смену советским: "Устрашающую кастрационную символику серпа и молота сменил двуглавый орел, выражающий традиционную российскую двойственность, бисексуальность, которая вновь обретает свое живительное единство. Застоявшаяся водная женская стихия вырвалась на волю и формируется, управляется мужской непреклонностью причалов, набережных, мостов, плотин. Воздушный корабль мечты, венчающий столп-фаллос на банкноте достоинством в тысячу рублей, наконец-то опущен в воду и на той же купюре свободно плывет, огибая коварные скалы и используя огненный фаллический символ лишь в качестве маяка..." Интересно, что сказал бы Лев Толстой по поводу такого взгляда на предметы окружающего мира, вольно или невольно прививаемого всем любителям и потребителям психоанализа. Вполне вероятно, он согласился бы с У. Фолкнером, говорившим, что отсутствие идеалов убивает любое описание человека, превращая его в повествование "не о сердце, а о железах внутренней секреции" и, быть может, одобрительно усмехнулся бы, услышав, как Набоков называет фрейдизм либидобелибердой.

Или другое популярное течение — поведенческая психология, бихевиоризм. Благо здесь понимается как хорошая адаптация, приспособление человека к миру, внешний успех в нем. В одном из поведенческих пособий я видел, например, параграф о том, как произвести "сердечное рукопожатие" — на какое расстояние надо подойти к партнеру, с какой силой надавить протянутую ладонь, как долго удерживать на лице улыбку и т.п. Ясно, к чему ведет такой подход: поступок растворяется, остается лишь внешняя декоративная фактура, манипулятивная оболочка поведения, лишенного нравственного основания.

Исключение, казалось бы, составляет такое современное течение, как гуманистическая психология. В центре ее поставлено "Я", личность

человека и главным делом и благом провозглашается самосовершенствование, саморазвитие, самоактуализация личности. Все это, разумеется, очень важно и хорошо, однако устремляясь всецело к самосовершенствованию, заботе о своем личностном росте, человек может не заметить грани, за которой начинается некое самоистуканство, отгорожение себя от других людей, от мира, от Бога, развитие ради самого развития. Вспомним остроумную критику Виктором Франклом центрального тезиса гуманистической психологии о самоактуализации личности. Он приводит сравнение с бумерангом. Большинство уверено, что назначение бумеранга – в возвращении к тому, кто его запустил. Но действительная задача совершенно в ином. Она в том, чтобы поразить цель. Возврат орудия в руки есть свидетельство не прибытка, а неудачи или промаха. То же и о совершенствовании своей личности, самоактуализации. Усилия в этом направлении абсолютно необходимы, но когда результат их принимается, ожидается только как прибыль самому себе, это означает промах, причем промах в очень существенном, главном. Необыкновенно ясно и сильно об этом у Толстого в “Пути жизни”: “Если человек понимает свое назначение, но не отрекается от своей личности, то он подобен человеку, которому даны внутренние ключи без внешних” [4, с. 327].

Итак, личность это не самоцель, не конечная цель. Это – орудие, ключ к чему-то. Толстой говорит “внутренний ключ”. Уникальный, сложный, бесценный, трудноовладеваемый. Но на определенном этапе он исчерпывает свои возможности открытия и требуется новый. В этом плане человек отрекается от личности, она отходит, “снимается” как сослужившее, усвоенное, и открывается во всей полноте то, чему она служила. Речь идет, по сути, о ступенях восхождения или о прояснении, выявлении запечатленного в человеке образа. Характер маскирует, скрывает личность, что столь наглядно у подростка, который нередко “сплошной характер”. Но вот характер “снимается”, отходит на второй план, и выступает, проявляется становящаяся личность. Юноша уже личность с характером, а у взрослого человека характер вовсе не должен торчать углами, единственно бросаться в глаза, выступать как главное, он необходим, проявляется и действует, но уже не как главное лицо, а как вспомогательное, как важный помощник и слуга. То же и с личностью. Как ни значимо ее развитие, сколь ни длительны и трудны пути формирования, но если она становится самоцелью, застаивается, разрастается, то с неизбежностью закрывает горизонт и скрывает нечто большее, чем она. Толстой пишет, что личность скрывает в человеке Бога и “как скоро он откинул личность, действует в нем не он, а Бог” [4]. Образ человека становится тогда завершенным, проясненным, и если мы в ком-

то узнаем, признаем полноту этого образа, то невольно восклицаем “Се человек”. Не характер, не личность, а именно – человек.

Современная психология до этого уровня просто не доходит. Высшая, верховная категория здесь – личность, ее мотивы, устремления, потребности. Отсюда идея самоактуализации как замкнутого на себе кольца усилий, стремление расширить и удовлетворить все потребности и желания личности, сделать ее самодовольной, без проблем и вопросов приспособленной к миру сему. А поскольку нет и речи о “внешнем ключе”, индивид остается запертым в себе самом, остается без высших стремлений и опор, остается, словами И. Бергмана, на теплой и грязной земле под холодным и пустым небом.

Последствия такого ограничения в психологическом плане весьма серьезны. Прежде всего в области смыслообразования. Иногда говорят – жизнь выше смысла, она обходится без смысла, а вот смысл и всякие другие умствования без жизни не состоятся. Действительно, пока есть жизнь, заботы, желания и радости, многие смыслы будут следовать, вытекать из этого хода.

Но развитие человека ведет к тому, что формула “жизнь как условие смысла” оборачивается формулой “смысл как условие жизни” и тогда ясность, уровень, высота смысла начинает определять и направлять жизнь, и уже не в деталях, не в мелочах, а в главном, не как сопровождение и аккомпанемент, а как зов, жажда, удерживающее жизнь начало. И если уходит, мельчает, снижается эта высота, снижается, опускается внутренне и внешне сам человек, Толстой говорил – “уходит благо жизни”, а вместе с ним уходит и жизнь духовно, душевно, а то и физически. Отсюда – понимание смысла, блага жизни – условие устойчивости психического здоровья, возможности противостояния тяготам бытия, трагизму человеческой жизни. Вне этого условия резко возрастает количество неврозов, наркоманий и вообще людей несчастных, потерянных, потерявших образ человека. Но психология и психотерапия, как ни печально, обычно не стремятся к восстановлению этого образа в конкретном испытуемом, пациенте, клиенте, а лишь затушевывают, загоняют болезнь внутрь к еще большему погружению в себя, самокопанию (психоанализ), большему манипулированию другими (бихевиоризм), большему эгоцентризму и самообожанию (гуманистическая психология).

На одном из семинаров в Германии меня поразили слова немецкого теолога. Он сказал, что когда к современному психотерапевту приходит пациент, то он часто жертва – общества, неправильной его ориентации, воспитания. Но после того, как он прошел стандартный курс психотерапии, он становится на сторону своих недавних

палачей, т.е. этих неправильных ориентаций общества, он сам начинает калечить других людей своими воззрениями и действиями. Иными словами, психологи поддерживают порядок, обратный тому, о котором так ясно сказано в Евангелии – ищите царство Божие в вас, а остальное приложится. Мы же ищем “остальное”, полагая, что царство Божие в нас, мир и покой души приложатся. Вспомним толстовское – люди только думают, что воюют, торгуют, строят; главное, что они делают – это решают нравственные проблемы, это и есть главное дело человечества. Мы же все перевернули, и главное для нас – стройка, война и торговля. А расплата одна – человеческими душами, искалеченными, уведенными во мрак судьбами, оборванными жизнями. И счет их на многие миллионы в уходящем XX веке. И никакая армия психологов и психотерапевтов не спасет, пока они будут служить перевернутому в нравственном отношении миру.

* * *

И, наконец, последняя часть, последний раздел уроков, обращенных к современной психологии, о котором следует упомянуть. Этот раздел связан не с художественными произведениями, не с религиозно-философским наследием, а с самой жизнью Льва Николаевича.

Толстой в конце своего пути признавался – “писание мое есть весь я”. Действительно, в 90 томах полного собрания сочинений застыло каждое движение его мысли, чувств, выраженных через художественных героев и через многочисленные записи, дневники, заметки. Читай и бери, пользуйся. Но есть и еще одно и, может быть, самое главное произведение Толстого – это его жизнь, его подвиг. Он человек во всех смыслах, и ничто человеческое не было ему чуждо: ни человеческие высоты, ни заблуждения, ошибки, противоре-

чия и падения. Сколь часто жизнь наша и окружающих нас усечена, частична. У одного славное детство, но далее тягостные дни, у другого – чудный период юношества, но потерянные зрелые годы. У Толстого же все выпукло, ярко, полно, весно, на пределе – и детство, и отрочество, и юность, и зрелость, и пожилые годы, и старость. Все возможные кризисы, переживания, искушения как на ладони. Толстой как-то говорил, что считал бы важнейшим делом всей своей жизни описать “возрасты духовные”, чтобы человек, подходя к новому рубежу и перелому, не пугался, а знал, что так было и с другими. Л.Н. не осуществил этой задачи, но сама его жизнь есть ответ. И глядя на нее, мы должны не только благоговеть, удивляться, восхищаться. Мы должны обрести внутреннюю уверенность и не бояться самим возрастать духовно, не пугаться новых рубежей. Ибо рубежи эти, путь этот проходили до нас и другие. И необыкновенно яркий, полный и честный пример – это жизнь Л.Н. Толстого. Ее изучение поможет научному психологу выйти за узкие рамки академической науки, психотерапевту – преодолеть приземленное отношение к пациенту, а всем нам – лучше понять себя и свое высокое человеческое предназначение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 427.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 108–109.
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 62. М., 1953. С. 269.
4. Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Республика, 1993.
5. Уляшев П. Обретение // Лит. газета. 1984. 23 марта.
6. Фицджеральд Ф.С. Молодой богач // Американская новелла XX века. М.: Художественная литература, 1976. С. 55–95.
7. Шкловский В. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 1963.

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ М. КОУЛА “КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ”

ПСИХОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, БИОЛОГИЯ

© 1999 г. А. З. Шапиро

Канд. психол. наук, ст. науч. сотр. Ин-та дошк. образ. и сем. восп. РАО

Культурно-исторический подход все более актуален в самых различных отраслях психологического знания. В частности, к нему велик интерес в области семейной терапии, где много внимания уделяется кросскультурным сравнениям, а также изучению специфики психологической работы с

семьями в конкретной культуре. Нередко культурно-исторической отсылки в рамках семейной терапии весьма поверхностны с точки зрения теории психологии и не учитывают всю психологическую глубину влияний культуры на развитие личности в семейном окружении. Но есть в запад-